

Сила и убеждение: Ненасильственные
стратегии влияния на
государственные службы
безопасности в Сербии (2000) и
Украине (2004)

Power and Persuasion: Nonviolent strategies
to influence state security forces in Serbia
(2000) and Ukraine (2004)

Anika Locke Binnendijk and Ivan Marovic

Communist and Post-Communist Studies, August 2006
Translation: Evgenia Kara-Murza, August 2018 (edited by Martin
Omar Kitanoff)

Сила и убеждение: Ненасильственные стратегии влияния на государственные службы безопасности в Сербии (2000) и Украине (2004)

Аника Локке Биннендийк*, Иван Марович

Школа права и дипломатии имени Флетчера при университете Тафтса, США, г. Медфорд (штат Массачусетс), Паккард авеню, д.160, 02155

Доступно онлайн с 17 августа 2006 г.

Краткий обзор

Организаторы сербского движения «Отпор», направленного на свержение Милошевича (2000 г.), и украинской «Оранжевой революции» (2004 г.) разработали подробные стратегии повышения цены репрессий для режима и ослабления готовности государственных служб безопасности использовать насилие по отношению к участникам движений. Благодаря использованию различных комбинаций убеждения и сдерживания с учетом специфики конкретных структур, к которым они апеллировали, движениям удалось избежать жестких репрессивных мер.

© 2006 Совет регентов Калифорнийского университета. Опубликовано издательским домом Elsevier, все права сохранены.

Ключевые слова: Сербия; Украина; вооруженные силы; полиция; ненасильственный; смена режима

Введение

Государственные службы безопасности представляют собой крайне важную основу устойчивости нелиберальных режимов. В качестве инструмента принуждения полиция и вооруженные силы могут применять широкий

* Ответственный автор. Тел.: +1 617 894 4839.

Адрес электронной почты: anika.binnendijk@tufts.edu (А.Л. Биннендийк).

0967-067X/\$ - см. вступительную часть © 2006 Совет регентов Калифорнийского университета.
Опубликовано издательским домом Elsevier, все права сохранены.
doi:10.1016/j.postcomstud.2006.06.003

спектр мер воздействия на потенциальных соперников. Таким образом, от того, насколько режим в состоянии применять этот инструмент, может непосредственно зависеть его способность консолидировать политическую власть. Как отмечает *Даль* (1971 г.), «вероятность того, что правительство будет терпимо относиться к оппозиции, повышается по мере того, как возрастает предполагаемая цена подавления протеста... и уменьшается способность правительства прибегать к насилию или социально-экономическим санкциям для подавления оппозиции».

В связи с этим специалисты по стратегии ненасильственного конфликта полагают, что одной из основных целей невооруженного движения должно быть подтачивание лояльности и подчинения режиму полиции, вооруженных сил и других ключевых «столпов поддержки» (*Шарп, 1973 г.; Акерман и Крюглер, 1994 г.; Хелви, 2004 г.*). Путем ли убеждения людей в форме в правомерности своих требований, достижением ли обоюдно выгодных соглашений или повышением для режима политической, экономической и моральной цены подавления сопротивления, движения могут играть решающую роль в том, насколько режим будет в состоянии использовать против них солдат и полицейских (*Шарп, 1973 г.*).¹

И сербскому движению «Отпор», направленному на смещение Милошевича (2000 г.), и украинской «Оранжевой революции» (2004 г.) удалось достичь этой цели. Используя сочетание тактики убеждения и сдерживания, организаторы движений разработали подробные стратегии повышения цены репрессий для режима и ослабления готовности государственных служб безопасности использовать насилие по отношению к участникам движения. В данной статье будут рассмотрены использованные в обоих случаях стратегии и достигнутые результаты.

Учась на опыте прошлого

Разрабатывая свои стратегии, лидеры и сербского, и украинского движений учились на ошибках прошлого. В Украине 1990-х палаточные городки и протесты не принесли большого успеха в борьбе против конкурентного авторитарного режима президента Леонида Кучмы. Зверское убийство украинского журналиста Георгия Гонгадзе осенью 2000 года - предположительно, по приказу Кучмы - спровоцировало протесты во многих регионах страны.² Однако, несмотря на угрозы оппозиции вывести на улицы 200 тыс. человек, в протестах приняли участие всего от 20 до 50 тыс. человек, что Кучма не преминул подчеркнуть летом 2004 года. («Евразия дейли монитор». 24 января 2005 г.) (*Кузио, 2005a, b*). В марте 2001 года протесты завершились ожесточенными столкновениями между демонстрантами и полицией и привели к краху движения.

Лидеры сербского сопротивления вспомнили о неудачных демонстрациях 1996-1997 годов против Милошевича, которые завершились ничем и показали, как сложно поддерживать долгосрочные уличные массовые протесты. Они также вспомнили демонстрации 9 марта 1991 года, когда «Сербское движение обновления» Вука Драшковича призвало к митингу в знак протеста против одностороннего освещения событий государственным телевидением.

¹ Шарп отмечает динамику «конверсии», «компромисса» и «принуждения». с. 705-776.

² В 2000 году лидер Социалистической партии Украины Александр Мороз опубликовал пленки, тайно записанные личным охранником президента Николаем Мельниченко в кабинете Леонида Кучмы, на которых президент, предположительно, отдает приказ чиновнику «разобраться» с Гонгадзе.

Ответным действием Милошевича стал приказ полиции разогнать протестующих с помощью слезоточивого газа и водометов. Протестующие ответили насилием, и к вечеру того же дня танки патрулировали улицы Белграда. Драшкович был арестован и сопротивление было подавлено.

Зная об этих поражениях, организаторы сербского движения «Отпор» пришли к выводу, что в дальнейшем планировании им необходимо ориентироваться на две цели. Первая заключалась в быстром привлечении как минимум миллиона протестующих в Белград для противостояния Милошевичу. Второй целью являлось обеспечение гарантии того, что сербские вооруженные силы откажутся выполнять потенциальный приказ стрелять. Преследуя эти цели, «Отпор» считал приоритетной задачей поддерживать ненасильственную дисциплину в своих рядах.

Организаторы украинского сопротивления пришли к аналогичному заключению. Один из основных архитекторов украинской «Оранжевой революции» позже отмечал:

В 2002 и 2003 годах мы тщательно проанализировали причины поражения предыдущих протестов, и основными причинами были небольшое количество участников и агрессивная природа этих событий. Таким образом, мы пришли к выводу, что нам необходимо вывести на улицы как можно больше людей и следить за тем, чтобы протесты носили неагрессивный характер. Мы понимали, что никакие вооруженные силы, никакие спецподразделения не посмеют применить оружие против такого огромного количества людей. (Старший координатор блока «Наша Украина». Интервью. 2005 г.)³

Откровенные фальсификации на выборах в обоих случаях сыграли роль объединяющего фактора, вокруг которого движениям удалось мобилизовать большое количество граждан. Таким образом, и сербская, и украинская оппозиция открыто выстроили свои стратегии вокруг идеи разоблачения сфальсифицированных результатов голосования и признания их недействительными. После фальсификации Милошевичем президентских выборов 24 сентября 2000 года оппозиция провела серию забастовок и блокад, но еще большее количество протестных акций началось спонтанно. Напряженность росла в течение двух недель до тех пор, пока оппозиция не объявила 5 октября в 15:00 крайним сроком признания Милошевичем победы Коштуницы и призвала к митингу в Белграде перед зданием федерального парламента. На митинг съехалось около 800 тыс. человек со всей Сербии. (Еженедельная газета «Недельный телеграф». 1 ноября 2000 г.).

В Украине протесты начались в понедельник 22 ноября, когда на фоне многочисленных заявлений о нарушениях, согласно официальным данным второго тура, победу на выборах одержал Виктор Янукович, премьер-министр в правительстве Леонида Кучмы и выбранный им преемник.⁴ Оппозиция предполагала вероятность фальсификаций задолго до выборов. Так, во внутреннем документе коалиции украинской оппозиции от апреля 2003 года подчеркивается, что выборы будут «игрой без правил, беспрецедентной борьбой информационных, организационных, финансовых и административных ресурсов в пользу режима... нам нужны союзники и как минимум 500 тыс.

³ Лица, чьи имена в статье не указаны, согласились на интервью на условиях анонимности. По этой причине будет указано только наименование их должности в украинском правительстве, политической коалиции или другая профессиональная принадлежность.

⁴ 31 октября Виктор Ющенко победил у Виктора Януковича на президентских выборах с небольшим перевесом голосов, что послужило причиной проведения второго тура. Местные и международные наблюдатели сообщали о многочисленных случаях подтасовки голосов и махинациях как в первом, так и во втором туре выборов.

активных сторонников» (внутренний документ блока партий «Наша Украина», апрель 2003 г.). «Пора!», молодежная организация, целью которой являлась общественная мобилизация, принимала активное участие в подготовке послевыборных протестов после ареста большого количества ее активистов в середине октября 2004 года (Каськив, 2005 г.). Реальное число участников протестов в Киеве превзошло ожидания как режима, так и лидеров оппозиции (И. Золотарев. Интервью. 2005 г.). В первый день после обращения к киевлянам лидера оппозиции Виктора Ющенко с призывом выйти на улицы на Майдан Незалежности (Площадь Независимости), более известный просто как «Майдан», вышло 100 тыс. протестующих. В течение следующих 24 часов число протестующих выросло почти вдвое. К среде 24 ноября сотни тысяч людей съехались со всех регионов страны, и к концу недели, по многочисленным оценкам, в Киеве собралось около миллиона украинцев (Каськив, 2005 г.).⁵

Оба движения понимали, что быстрая мобилизация масс серьезно повысит цену репрессий для правящего режима. Хотя постоянные репрессии, до тех пор характеризовавшие реакцию режима на протесты: облавы, аресты, избиения и подозрительные убийства, -- были сопряжены с низким риском резкой ответной реакции общества, применение суровых мер в отношении сотен тысяч граждан могло нанести серьезный удар по и без того хрупкой легитимности режима.

По этой причине тактические соображения повлияли на выбор стратегии. «Отпор» сделал ставку на свою способность заполнить узкие улицы Белграда протестующими с целью воспрепятствовать быстрому передвижению людей и машин. Украинскому сопротивлению также относительно легко удалось перегородить въезды в город. Следовательно, крайне важной была задача как можно более быстрого заполнения публичного и символического пространства Майдана Незалежности, и в итоге оппозиция была поражена тем, как ей удалось реализовать эту задачу. В обоих случаях из-за одного только размера толпы режиму было бы сложно разогнать людей без использования «рискованных» мер, что значительно повышало ставки, связанные с отдачей и выполнением приказов, направленных на подавление протестов.

Осознавая необходимость быстрого наплыва протестующих для защиты тех, кто уже находился в столице, координаторы украинской оппозиции приложили особые усилия к тому, чтобы установить контакт с населением Киева и окружающего его региона в преддверии выборов.⁶ Быстрая эскалация протестов в течение первых 48 часов после обращения Ющенко произошла благодаря жителям Киева и его пригородов. Во время протестов, которые в результате продолжались больше трех недель, постоянное внимание уделялось «подсчету количества участников» («Гардиан». 13 мая 2005 г.). Лидеры оппозиции также организовали прямую круглосуточную трансляцию с Майдана на «5 канале», поддерживавшем оппозицию. Эта тактика оказалась особенно эффективна в подавлении стимула устроить облаву

⁵ Хотя изначально дорожно-патрульная полиция пыталась следовать приказу останавливать входящее в Киев автодвижение, огромный поток транспорта, который устремился в город в первые 48 часов, и готовность водителей находить объездные пути заставили полицию по большей части отказаться от своих попыток. Так, активист движения «Пора!» отмечал, что «когда большие дороги перекрыты, всегда можно найти маленькие дороги, которые ведут в город, и люди, которые живут в этих местах, помогали другим» (Безверха. Интервью. 2005 г.). Существуют разные объяснения того факта, что Кучма не использовал более надежные войска для блокировки въезда в город, однако, судя по всему, режим недооценил угрозу со стороны протестующих и хотел избежать действий, которые могли серьезно подорвать его легитимность как на внутреннем, так и на международном уровне.

⁶ Они также считали, что для привлечения более широких украинских масс было «важно, чтобы жители столицы вышли на улицы» (Стецькив. Интервью. 2005 г.).

на палаточный лагерь в вечернее время, когда на площади было меньше народу. Бывший министр иностранных дел Украины Борис Тарасюк, которому принадлежит идея этой тактики, вспоминает, что «была опасность, поэтому я предложил «5 каналу» чтобы они повесили картинку с ночного Майдана и вели прямую трансляцию. Так что если бы что-то случилось, люди бы увидели и сразу поняли, что происходит» (Тарасюк. Интервью. 2005 г.). Как выразился один западный дипломат, этот шаг был «безусловным козырем» и ясно давал понять: «Попробуйте победить нас, но только если вы прольете нашу кровь, это покажут “в прямом эфире по CNN”» (Западный дипломат. Интервью. 1 июня 2005 г.).⁷

Несмотря на свои преимущества, большие скопления людей также представляли потенциальный риск как для сербского, так и для украинского движения. Полицейские знали, что они отвечают за безопасность населения и будут привлечены к ответственности в случае беспорядков. Исходя из прошлого неудачного опыта, организаторы понимали, что всплески агрессии немедленно вызовут гнев органов безопасности.⁸ Джин Шарп, один из выдающихся теоретиков ненасильственного конфликта, отмечал, что «большое количество людей, неспособных поддерживать ненасильственную дисциплину, могут ослабить движение.» С другой стороны, как писал Шарп, «необходимые стандарты и дисциплина могут сделать их чрезвычайно сильными» (Шарп. 1973 г.).

Таким образом, было крайне важно избегать излишне провокационных действий и не повторять прошлые ошибки использования насилия. И сербское, и украинское движения сделали ставку на поддержание ненасильственной дисциплины и проводили программы подготовки волонтеров на случаи потенциальных столкновений с полицейскими и военными.

В Украине особенно важно было избегать провокаций в течение трех недель массового противостояния «Оранжевой революции». Для того, чтобы избежать столкновений между полицией и участниками протеста или между сторонниками Ющенко и Януковича, волонтеры организации «Пора!» и блока «Наша Украина» создавали «буферные зоны» из людей между полицией и толпой и между конкурирующими палаточными лагерями. Подготовленные волонтеры патрулировали палаточные лагеря и скопления людей с целью обнаружения и предотвращения потенциальных беспорядков. Протестующим раздавали листовки, в которых говорилось: «Не поддавайтесь на провокации. Мы победим. Мы сильные, потому что спокойные» (Филенко. Интервью. 2005 г.). Все это, судя по всему, оказало влияние на полицию и вооруженные силы. В интервью 2005 года один высокопоставленный представитель правоохранительных органов отметил, что «я отношусь с большим уважением к тому факту, что команда Ющенко сделала все для того, чтобы избежать какого-либо конфликта. Они не выглядели очень агрессивно. Это было невероятно» (Высокопоставленный представитель правоохранительных органов. Интервью. 2005 г.) В некоторых случаях для этого приходилось обуздывать более воинственно настроенные элементы политической коалиции, которые, по некоторым сведениям, «хотели крови» («Сегодня». 21 ноября 2005 г.).

⁷ Также, по мнению этого дипломата, отсутствие прямой видеотрансляции сыграло роль «критического фактора» во время кровавой расправы на площади Тяньаньмэнь в Китае. Такого же мнения придерживаются Мартин и Варни, которые отмечают, что «отсутствие информации о кровавых погромах для внешней аудитории» мешало привлечению международной поддержки во время движения сопротивления Восточного Тимора в 1980-х годах. В свою очередь, во время успешного народного движения в Индонезии, направленного на свержение военной диктатуры генерала Сухарто, демонстранты держали плакаты, на которых было написано: «Не забудьте о губной помаде: вас сегодня могут показать по CNN» (Мартин и Варни. 2001 г., с. 24, 31).

⁸ Один из лидеров украинской оппозиции отмечал в июне 2005 года, что «было чрезвычайно важно ни в коем случае не провоцировать их агрессивным поведением. Наши действия были очень мирными. 2000 год преподал нам горький урок.» Филенко. Интервью. 2005 г.

Получается, что решение сохранять ненасильственный характер было существенным элементом стратегического расчета лидеров как сербского, так и украинского движений. Специалисты по стратегии в этой области давно утверждают, что ненасильственные методы дают преимущества в асимметричных условиях тем, что позволяют активистам «противостоять власти оппонента, включая полицию и вооруженные силы, не с помощью выбранного им оружия, а совершенно другими средствами» (Шарп. 1973 г.). В сербских программах подготовки волонтеров движения «Отпор» в 2000 году этому элементу групповой стратегии придавалось особое значение. С этим доводом соглашается координатор украинского движения «Пора!», отмечая, что ненасильственная линия позволила движению действовать «на равных основаниях с государственными властями. Если мы не применяли насилие, мы могли участвовать в борьбе. Если бы мы применили насилие, они могли бы прибегнуть к силе. При таких обстоятельствах это была единственная эффективная стратегия» (Золотарев. Интервью. 2005 г.). Последствия применения суровых мер по отношению к гражданам, действия которых воспринимаются как мирные, могут быть более серьезными как на внутреннем, так и на международном уровне, чем последствия применения этих мер по отношению к людям, которых рассматривают в качестве террористов.⁹

«Ломая палку»

Однако в итоге лидеры движений поняли, что руководство режимов может посчитать, что компромисс обойдется им дороже, чем жесткое подавление сопротивления. В случае победы сербской оппозиции Милошевичу грозили катастрофические политические и личные потери. В Украине, несмотря на то, что сам Кучма уходил в отставку, олигархам, входившим в его лагерь, было что терять в случае победы Ющенко, что вместе с низкой степенью их подотчетности делало их особенно опасными.

В обеих странах предпринимались попытки инициировать государственное насилие в отношении протестующих. Так, по некоторым сведениям, белградская полиция получила приказ стрелять по толпе после того, как ей не удалось разогнать демонстрантов во время октябрьских акций 2000 года, организованных «Отпором», с помощью слезоточивого газа. В Украине же, несмотря на то, что Кучма лично не был готов отдать приказ о подавлении «Оранжевой революции», по истечении первой недели протестов из его штаба пришел приказ о мобилизации и раздаче боевых патронов 10 тыс. военнослужащих внутренних войск МВД («Нью-Йорк таймс», 17 января 2005 г.). Таким образом, движениям было необходимо предпринять попытку снизить эффективность репрессивных инструментов, на которые опирался режим. Как заметил один западный наблюдатель за течением «Оранжевой революции», «что делать, если пытаешься отбиваться палкой, а она ломается у тебя в руках?» (Высокопоставленный западный дипломат. Интервью. 31 мая 2005 г.).

Вооруженные силы

Авторитарные правительства часто прибегают к поддержке вооруженных сил для «усмирения» массового недовольства их правлением (Хелви. 2000 г.). В 1989 году Народно-освободительная армия Китая оцепила танками площадь Тяньаньмэнь и открыла огонь по студентам. За год до этого армейские отряды Бирмы подавили массовые беспорядки, вызванные итогами референдума. Относительно недавно офицеры узбекской армии и военная техника

⁹ В качестве примера можно вспомнить, как режим Каримова обвинил исламистскую

А.Л. Биннендийк, И. Марович / «Коммунистические и посткоммунистические группировки «Хизб-ут-Тахрир» в организации беспорядков в Андижане в мае 2005 года, которые закончились кровавой расправой. 417

участвовали в кровавом разгоне демонстрантов в Андигане наряду с полицией и спецслужбами. («Нью-Йорк таймс». 17 июня 2005 г.).

В Украине и Сербии, где политическое руководство развивало внутренние войска МВД в ущерб вооруженным силам, движения имели большую уверенность в том, что им удастся убедить солдат хотя бы сохранять нейтралитет.¹⁰ Всеобщая воинская повинность в обеих странах означала, что в обеих армиях в основном служили молодые ребята, которые поддерживали контакты со своими семьями и чьи политические пристрастия часто отражали взгляды их гражданских сверстников. Понимая, что «члены семьи могут быть хорошими барометрами», украинская оппозиция активно работала с семьями действующих военнослужащих, расквартированных в военных городках, с целью установления контакта и оценки мнений (Антонец, интервью 2005 г.). Учитывая тесные связи военнослужащих с широкими слоями населения, многие из посланий оппозиции, адресованных сербским и украинским вооруженным силам, вторят посланиям всему обществу с акцентом на демократических реформах, патриотизме и уходе от коррупционного статус-кво.

Однако некоторые ключевые моменты были специально рассчитаны на лиц, находящихся на военной службе. В обеих странах условия содержания вооруженных сил ухудшились за последние годы (Кузио, 2000 г.). В отличие от Югославской народной армии Тито, когда-то пользовавшейся большими привилегиями, при Милошевиче военнослужащие, по некоторым сведениям, чувствовали, что их ценят меньше, чем их коллег из внутренних войск МВД. В Украине сокращения бюджета предыдущих 15 лет привели к снижению денежного довольствия военнослужащих, сокращению сроков подготовки внутри страны и снижению морального духа военных по сравнению с их коллегами из МВД («Файнэншл таймс». 25 ноября 2004 г.). Согласно оценкам, более 80% офицеров описывали уровень благосостояния своих семей как «ниже среднего» или «низкий» (Гриценко, 2000 г.). Политическая оппозиция обеих стран извлекла выгоду из этих настроений во время кампании по выборам президента, акцентируя внимание на относительном ухудшении положения военных и предлагая способы решения этой проблемы.¹¹ Так, например, стремясь получить голоса украинских военнослужащих и ветеранов, блок «Наша Украина» уделял особое внимание таким вопросам, как военная пенсия и права членов семей военнослужащих (Антонец, интервью 2005 г.).

Помимо традиционной предвыборной программы движениям также приходилось решать вопросы стратегической важности для внеинституциональной борьбы за власть, зарождавшейся в обеих странах. В послевоенной Сербии бомбардировки Югославии силами НАТО были неотъемлемой чертой кампании Милошевича по дискредитации оппозиции. «Отпор» боялся, что режим, воспользовавшись повышенной чувствительностью вооруженных сил к этому вопросу, представит протестующих отчаянными наемниками, готовящими почву для вторжения НАТО, и тем самым мотивирует необходимость репрессивных мер.

Исходя из этого в посланиях, адресованных вооруженным силам и призывавших их служить сербскому народу, а не правящей партии, подчеркивалось, что оппозиция не является «пятой колонной».

¹⁰ Очень возможно, что тесные контакты и учебные курсы, осуществляемые совместно украинской армией, программой НАТО «Партнерство во имя мира» и международной программой США по военному обучению и подготовке способствовали усилению продемократических настроений в рядах вооруженных сил Украины.

¹¹ Так, например, полковник в отставке Драган Вукшич сказал в апреле 2000 года: «Слободан Милошевич отдавал предпочтение полиции, считая, что она может решить все его проблемы. Однако в Косово он понял, что она этого не может. Он не был уверен в югославской армии. Тогда он прибегнул к некоторым кадровым перестановкам, назначив на ответственные посты лояльных офицеров, которые впоследствии провели нужные зачистки. Теперь он отдает предпочтение армии.» (Журнал «Време», 22 апреля 2000 г.).

¹² В ответ на учащавшиеся обвинения в измене «Отпор» открыто осудил воздушную кампанию НАТО, при этом подчеркнув, что ответственность за нее лежит на Милошевиче. Так, например, 22 марта 2000 года «Отпор» отметил годовщину начала бомбардировок, распространив плакаты с лозунгом «Спротивление агрессии НАТО». Они также нанесли ущерб националистической идее Милошевича, приглашая воевавших резервистов выступать на митингах и маршах с обвинениями против Милошевича в том, что он «предал Косово».

Тот факт, что в политическое руководство сербской оппозиционной коалиции входили два генерала в отставке, одним из которых был генерал в отставке Момчило Перишич, занимавший пост начальника Генерального штаба югославской армии в период с 1992 по 1998 год, придавало больший моральный вес «Отпору».¹³ Однако, несмотря на эти связи, оппозиции не удалось установить контакт с генералами армии и заручиться гарантиями того, что вооруженные силы не будут вмешиваться в случае массовых протестов.¹⁴ В конце концов, несмотря на то, что сербская армия мобилизовала войска на подступах к Белграду, серьезной попытки войти в центр города предпринято не было.¹⁵

В Украине одной из ключевых, хоть и негласных, задач оппозиционных элит было налаживание прямого контакта с офицерами вооруженных сил. Первые попытки в этой связи были предприняты в декабре 2002 года, когда бывший Командующий ВВС Украины генерал Владимир Антонец, нехотно завершив карьеру военного, присоединился к оппозиции.¹⁶ Антонец сформировал из бывших сослуживцев группы волонтеров, задачей которых было налаживание связи с государственными службами безопасности. Поскольку в эти группы входили офицеры в отставке, им было достаточно легко установить контакт с военнослужащими среднего звена украинских вооруженных сил, членами их семей и бывшими сослуживцами. Все члены региональных команд по всей территории Украины «тайно выстраивали контакты на своем уровне и передавали информацию» Антонцу (Антонец. Интервью. 2005).

¹² Этот подход был также использован в Украине, где протестующие часто использовали слоган «Военные с народом». Этот же лозунг можно было услышать от россиян, бросивших вызов танкам во время переворота 1991 года (Акерман и Дюваль. 2000 г., с. 14).

¹³ Генерал-полковник в отставке Момчило Перишич так объяснял свое решение заняться политикой: «Югославская армия – это не армия правящей партии. Это институт государства, защищающий интересы граждан и родины. Поэтому я решил стать политически активным для того, чтобы предотвращать нецелевое использование армии» (Журнал «Независна светлост». 8 июля 2000 г.).

¹⁴ Зоран Джинджич позже признавался: «Хотя генералы Перишич и Обрадович [лидеры оппозиции] пытались это сделать, мы так и не смогли выяснить, каким действительно было настроение в армии даже за несколько дней до 5 октября» (Журнал «Време», 2 ноября 2000 г.).

¹⁵ Один из авторов этой статьи, Иван Марович, был призван в армию 9 сентября, за две недели до выборов. К ночи 5 октября все офицеры его подразделения исчезли. Вечером солдаты думали, что делать дальше. Некоторые выступали за то, чтобы «сдать оружие и присоединиться к протестам в Белграде», другие говорили, что «надо брать оружие с собой и присоединиться к протестам». На следующее утро офицеры объявили, что к власти пришло новое правительство, и армия не будет вмешиваться в политику. До этого один из младших офицеров подошел к Маровичу, пожал ему руку и сказал: «Поздравляю, вы победили». Так автор узнал о свержении Милошевича.

¹⁶ Антонец ушел с военной службы в 1999 году после того, как Кучма перевел его «на такую должность, на которую я никак не мог согласиться». У них с Кучмой возникли разногласия относительно продажи украинских военных самолетов коммерческим авиакомпаниям.

В октябре 2004 года, «заранее понимая, что администрация Кучмы без боя не сдастся, и что они способны взяться за оружие», команда изменила характер своей деятельности, активно готовясь к предстоящей борьбе. Были пущены в ход связи, налаженные за предыдущие полтора года, и давние знакомства. Как вспоминает Антонец:

«У моих людей были свои друзья, контакты... многие непосредственно командовали военными подразделениями. Для нас было важно запустить движение снизу вверх, чтобы руководство поняло, что приказы Кучмы невозможно будет выполнить, так как на более низком уровне люди не поддержат приказы использовать оружие». (Антонец. Интервью. 2005 г.).

И действительно, «ряд неформальных соглашений» был заключен с военнослужащими «среднего и верхнего среднего» ранга украинских вооруженных сил. В результате этих переговоров офицеры среднего звена согласились ни при каких обстоятельствах не прибегать к использованию силы для подавления протестов. В случае, если режим решил бы привлечь полицию или спецслужбы для насильственного подавления гражданских протестов, армейские подразделения вмешались бы в ситуацию – в случае необходимости физически – и играли бы роль посредника.

Эти договоренности были пущены в ход в ночь на 28 ноября, когда спецподразделения МВД за пределами Киева получили приказ о мобилизации. Симпатизирующие протестам представители спецслужб проинформировали руководство «Нашей Украины» о проведенной мобилизации (Старший координатор блока «Наша Украина». Интервью. 2005 г.). В течение часа они связались с посольствами западных стран, и генерал Николай Петрук, главнокомандующий Сухопутных войск Вооруженных сил Украины, позвонил в Министерство внутренних дел с угрозой выставить невооруженных украинских солдат между войсками МВД и протестующими («Украинская правда». 20 апреля 2005 г.). Западный дипломат, вовлеченный в суматоху с телефонными звонками с целью препятствовать планам МВД, вспоминал, что он «отправился спать с мыслью, что мы положительно повлияли на ситуацию. Но утром я узнал о звонке от главнокомандующего сухопутных войск. Звонок от руководства сухопутных войск имел более важное значение» (Высокопоставленный западный дипломат. Интервью. 7 июня 2005).

Местная полиция

И в Сербии, и в Украине высоко политизированная полиция представляла большую угрозу для деятельности движений, чем вооруженные силы. Будучи представителями профессионализованного института, по конституции обладающего мандатом на защиту правопорядка, полицейские более тесно отождествляли себя с правящими режимами. Так, например, в мае 2004 года министр внутренних дел Украины Николай Билоконь, по слухам, объявил во время встречи со своими региональными подчиненными, что хотя «нам говорят, что милиция должна быть вне политики», как «вооруженный государственный институт... понятно, что мы должны поддерживать правительство... Мы победим в первом туре выборов и будем потом пить три дня!» («Комитет избирателей Украины». Май 2004 г.). По словам одного чиновника Министерства внутренних дел, перед выборами «фактически был приказ голосовать за [кандидата правительства Виктора] Януковича». (Киевский чиновник министерства внутренних дел. Интервью. 2005). В Сербии Милошевич

в 1999 году перебросил местные подразделения полиции в Косово, а после их возвращения благополучно отдавал им приказы подавлять демонстрации движения «Отпор» с чрезмерным применением силы.

Частично поддержка режима среди полицейских низшего звена объясняется мощной идеологической обработкой, проводимой режимом. Во время украинской предвыборной кампании во многих крупных полицейских участках «появились» видеокассеты, на которых оппозиционеры высказывали свое глубокое презрение к полиции и желание «уничтожить» кандидата Кучмы Януковича. Один журналист, посмотрев видео, сравнил его с печальными известными «двухминутками ненависти» из романа Джорджа Оруэлла «1984» (Журналист «5 канала». Интервью. 2005).¹⁷ Представители правительств обеих стран предпринимали попытки дискредитировать студентов-активистов, открыто изображая их «террористами» или «наркоманами» (Золотарев. Интервью. 2005).

Таким образом, для достижения своих целей обоим движениям было необходимо ослабить авторитет режима и убедить правоохранительные органы в законности требований оппозиции. «Отпор» нашел стилистическое решение, выбрав изображение сжатого кулака в качестве логотипа движения и черные футболки. Задачей было выглядеть опасными, но при этом не прибегать к насилию, тем самым вводя в заблуждение высокопоставленных чиновников и одновременно посылая нужный сигнал полицейским.¹⁸ Стратеги «Отпора» понимали, что если правительство решит, что «Отпор» – революционная организация, режим прикажет полиции арестовать активистов движения.¹⁹ Однако, поскольку «Отпор» придерживался исключительно ненасильственных методов и выступал за выборы как законный способ смены власти, в ходе допросов полицейские получали бы совершенно иную информацию, чем ту, которую они ожидали, что, как надеялись стратеги «Отпора», в глазах полицейских ставило бы под вопрос мотивацию правительства.

Такая стратегия оказалось во многом успешной. Аресты активистов «Отпора» учащались по мере роста организации и обвинения со стороны режима звучали все менее правдоподобно, особенно после 2 мая 2000 года, когда три активиста «Отпора» были избиты в Пожареваце, родном городе Милошевича, друзьями сына Милошевича Марко, а затем арестованы и обвинены в покушении на убийство. 13 мая в городе Нови Сад был убит член Социалистической партии, и режим воспользовался случаем, чтобы объявить «Отпор» террористической организацией, несящей ответственность за это убийство.²⁰

¹⁷ Видеокассеты были переданы «5 каналу» полицейским и показаны в эфире телеканала «в попытке показать, что они пытались промывать мозги, манипулировать полицией». Журналист «5 канала». Интервью. 2005.

¹⁸ В «Отпоре» надеялись, что выбранная символика вызовет раздражение у Мирьяны Маркович, жены Милошевича и лидера партии «Югославские левые». Заявления для печати, вскоре после этого сделанные «Югославскими левыми», показали, что эффект символика превзошел все ожидания «Отпора». И действительно, секретный документ, выпущенный Департаментом аналитики, напоминает пресс-релизы «Югославских левых»: «...Своим стилем одежды (черные кепки и платки, брюки и черные футболки) члены этой организации напоминают о темном прошлом и нацистской идеологии, которая принесла нашей нации много страданий и зла». («Информация касательно незаконной деятельности фашистско-террористической организации «Отпор», Департамент аналитики, Министерство внутренних дел. Белград. 7 июня 2000 г.).

¹⁹ Генерал Властимир Джорджевич, глава отдела общественной безопасности, заместитель министра внутренних дел Югославии, отдал приказ полиции «выявлять членов «Отпора», собирать информацию об их численности, намерениях и связях, следить за их передвижениями и деятельностью и передавать собранную информацию в Полицейское управление». (Директива 33/2000, отданная 11 мая 2000 года генералом Властимиром Джорджевичем, министерство внутренних дел).

²⁰ Большинство источников, освещавших это убийство, пришли к выводу, что оно стало результатом бытового конфликта.

В отношении «Отпора» были приняты очень жесткие меры, и за несколько месяцев тысячи наугад выбранных активистов движения были задержаны. По иронии судьбы, это облегчило взаимодействие «Отпора» с полицией.²¹ К выборам, которые состоялись 24 сентября, сербские полицейские (за исключением высокопоставленных офицеров полиции) знали об «Отпоре», его целях и методах больше, чем обычные граждане. В свою очередь «Отпор» с каждым новым арестом и задержанием получал информацию о настроениях в среде полицейских.

Украинское гражданское движение «Пора!» также использовало аресты для обмена информацией с представителями органов правопорядка, хотя и в меньшей степени, чем их сербские коллеги. Летом студентов-активистов арестовывали во время митингов за раздачу наклеек и информационных материалов оппозиционного характера и допрашивали («Интерфакс-Украина». 5 августа 2004 г.). В октябре власти задержали и допросили больше 150 активистов и завели 15 уголовных дел против членов движения «Пора!» по обвинениям в терроризме. Каждый из этих арестов стал возможностью установить контакт с полицейскими (Каськив. Интервью. 2005 г.).²² Активисты движения «Пора!» также ходили по полицейским участкам по всей территории Украины, даря полицейским цветы, вручая письма и призывая их соблюдать законы (Старший координатор блока «Наша Украина». Интервью. 2005 г.).

Несколько факторов сыграли на руку движениям в реализации их стратегий. Поскольку эти движения состояли преимущественно из среднестатистических представителей молодежи, обвинения в терроризме со стороны правительства казались не очень правдоподобными. Еще больше этому способствовало жесткое соблюдение молодыми активистами движений исключительно ненасильственной дисциплины. С целью подчеркнуть важность соблюдения этого правила движения прибегали к юмору: «Отпор» открыто представлял своих активистов-подростков как «образцовых» террористов, тогда как активисты «Пора!» вышли на демонстрацию с лимонами в ответ на обвинения в том, что они запасают гранаты («Интерфакс-Украина». 28 ноября 2004 г.). (Другие примеры того, как молодежные неправительственные организации использовали юмор, можно найти у Кузио в этом же номере.) И наконец, благодаря гибкой организационной структуре с упором на инициативы на местном уровне, в процессе подготовки к завершающей стадии борьбы протестные акции могли возникнуть одновременно по всей стране, что делало невозможным для режима направлять самые лояльные и безжалостные подразделения правоохранительных органов в места их проведения.

И «Отпор», и «Пора!» быстро реагировали на аресты, когда они имели место. Оба движения наладили работу «горячих линий» для быстрого информирования местных сетей поддержки и СМИ и немедленно организовывали протестные акции у местных полицейских участков. В результате задержанных часто отпускали в течение нескольких часов, что в свою очередь побуждало новых активистов пойти на риск быть задержанными.²³ В Украине «Пора!» призывала «специальные группы» оппозиционных

²¹ Центр гуманитарного права в Белграде установил, что в период между 2 мая и 24 сентября было задержано более 2000 активистов «Отпора», а также примерно 400 членов оппозиционных партий и около 100 активистов неправительственных организаций. Около 300 активистов «Отпора» задерживались пять или более раз. 10% задержанных (около 200 человек) были моложе 18 лет («Полицейское давление на «Отпор» в Сербии с 2 мая по 24 сентября 2000», отчет Центра гуманитарного права. Белград. 23 ноября 2001 г.).

²² В облавах октября 2004 года также принимали участие сотрудники Службы безопасности Украины (СБУ).

²³ Эту стратегию было бы сложнее проводить в жизнь, если бы полиция во время допросов чаще прибегала к пыткам. В Сербии меньше 1% задержанных подвергались пыткам. Самый жестокий случай произошел в общине Владичин Хан на юге Сербии, где сотрудники полиции в течение трех часов пытали семерых активистов «Отпора». Их спасли 300 граждан, собравшихся перед полицейским участком с требованием освободить задержанных.

депутатов и уполномоченных по правам человека «серьезно ограничить возможности расследования» (Каськив. Интервью. 2005).

Такая система быстрого реагирования местного населения также служила средством сдерживания насилия со стороны властей. Так, например, 4 октября сотни сотрудников полиции были направлены на угольную шахту Колубара, где 7000 шахтеров бастовали с 29 сентября («Нью-Йорк таймс». 5 октября 2000 г.). Эта шахта имела большое значение для производства электроэнергии в Сербии, и забастовка могла привести к масштабным отключениям света. Когда полицейские отряды подошли к шахте, шахтеры стали звонить людям из близлежащих городов и деревень, и те быстро пришли на помощь бастующим. В результате полиция не стала выполнять приказ о разгоне толпы.

И в Сербии, и в Украине политические элиты пытались достичь негласных договоренностей с представителями правоохранительных органов. В преддверии мероприятий украинские депутаты Владимир Филенко и Тарас Стецькив разрабатывали «специальный план подготовки и поведения». Помимо получения разрешений от городских властей на проведение массовых мероприятий «Нашей Украины», они также посылали официальные письма нужным людям в местных отделениях полиции. Эти письма, как говорили депутаты, создавали «повод для встречи, чтобы мы могли понять их настроения и знать, чего ожидать» (Стецькив. Интервью. 2005 г.). В Киеве важное значение придавалось установлению контакта с городским советом и находившимися в его подчинении сотрудниками полиции. К началу «Оранжевой революции» и после длительных переговоров с лидерами «Нашей Украины» мэр Киева Александр Омельченко заверил их в готовности полиции Киева, одновременно находящейся в подчинении мэрии и министерства внутренних дел, оказывать полное содействие протестующим (Старший координатор блока «Наша Украина». Интервью. 2005 г.).

На встречах с представителями правоохранительных органов Стецькив делал акцент на возможной победе оппозиции и на том, что в «Нашей Украине» наблюдают за действиями органов.

Тем, с кем мы говорили, мы сказали: «Люди, дорогие, Кучма никогда не победит. И Янукович не победит, потому что народ за Ющенко. И мы просим вас не нарушать закон, потому что вам придется нести ответственность». Мы это повторяли, как молитву. Мы победили в войне пропаганды и мы заставили их колебаться, заставили их сомневаться в возможности победы Кучмы. Это очень важно, когда ваш противник не уверен, а *вы* уверены. Все преимущества у вас в руках. (Стецькив. Интервью. 2005 г.)

По словам Стецькива, на этих встречах «много усилий и времени ушло на то, чтобы убедить их в том, что старая власть падет, что она не сохранится. Но в любом случае важно было донести [до них] эту мысль» (Стецькив. Интервью. 2005 г.). Их успех в этом зависел от уровня народной поддержки, которую оппозиция могла мобилизовать. Владимир Филенко вспоминает, что контакты между полицией и оппозицией «не давали никакого эффекта, пока люди не вышли на улицы. Как только люди вышли, эти контакты стали наконец давать результаты... Без большого количества людей на улицах не могло быть никаких переговоров и соглашений. Это создавало

предпосылку для проведения таких встреч» (Филенко. Интервью. 2005).²⁴

В Сербии в период между объявлением результатов выборов 25 сентября и 5 октября между начальниками полиции и лидерами политической оппозиции шли непубличные и интенсивные переговоры. За это время несколько начальников открыто заявили о том, что они не будут действовать против участников протестов, но они были тут же уволены.²⁵ Зоран Джинджич позже рассказывал, что «на встрече со среды на четверг [с 4 на 5 октября] многие начальники полиции решили не вмешиваться. У нас была такая информация. Они сказали нам: «Мы получим приказы, но не беспокойтесь: мы не будем их выполнять». Именно это и произошло».²⁶

Специальные службы Украины

С ноября 2004 года интенсивно обсуждается влияние Службы безопасности Украины (СБУ) на успех «Оранжевой революции». (Детали данной дискуссии можно найти в номере «Нью-Йорк таймс» от 17 января 2005 года и номере «Евразия дейли монитор» от 24 января 2005 года). Хотя многие источники утверждают, что роль вооруженных сил в предотвращении кровопролития была более значимой, чем роль СБУ, стоит рассмотреть то, как сотрудники этого органа отказывались от своей лояльности режиму.

На протяжении всей кампании намерения этого непрозрачного органа часто было сложно оценить. Когда в 2002 году в Киеве был открыт штаб политической коалиции «Наша Украина», многие правоохранительные органы, включая СБУ, начали внимательно следить за его деятельностью (Филенко. Интервью. 2005). В октябре 2004 года сотрудники СБУ в гражданском провели обыски в частных квартирах и офисах нескольких неправительственных организаций, деятельность которых была связана с выборами, и изъяли документы, включая копии списков избирателей и информацию об источниках финансирования избирательной кампании («Украинская правда». 23 октября 2004 г.).

Лояльность сотрудников СБУ изначально не была однозначной. Наблюдатель, хорошо знакомый с этой структурой, так описывал динамику изменений:

²⁴ В.Филенко. Интервью с А.Биннендийк. 10 июня 2005 г., Киев. [Кассетная запись находится в собственности автора.] Похожий комментарий принадлежит другому сотруднику аппарата «Нашей Украины»: «Ющенко неоднократно просил военнослужащих и полицейских не выполнять преступные приказы, но пока люди не вышли на улицы, признаков какого-либо прогресса или того, что они превращались в сторонников Ющенко, не было». (Бурковский. Интервью. 2005)

²⁵ «В четверг [28 сентября 2000 года] Командир Специальной антитеррористической группы (САГ) полковник Живко Трайкович был отстранен от должности и без объяснений переведен в Курсумлию [маленький городок на юге Сербии]». («Глас явности». 2 октября 2000 г.).

²⁶ Джинджич также рассказывал: «В полночь мы узнали, что четыре-пять командиров полицейских бригад, людей, в подчинении которых находились тысячи полицейских, были проинформированы Влайко Стоилковичем [министром внутренних дел Сербии] о том, что завтра [5 октября] будет применена сила. Не просто огнестрельное оружие, но даже взрывчатка, чтобы не дать конвою войти в Белград. И что Милошевич отдал приказ любой ценой защищать правительство. Это все было остановлено на самом верху командной цепи несколькими генералами, и мы были на связи с ними в ту ночь. Мы не полностью доверяли им, но мы все равно выстроили стратегию с учетом этой информации.» (Журнал «Време». 2 ноября 2000 г.).

На самом деле спецслужбы Украины состояли из трех частей. Одна поддерживала Януковича. Вторая часть СБУ пыталась делиться информацией с оппозицией, а третья бездействовала. Тот факт, что Служба безопасности Украины не была сплоченной, также сыграл на руку революции. (Журналист «5 канала». Интервью. 2005 г.).

На всем протяжении кампании оппозиция и представители СБУ вели неофициальные переговоры. Еще до начала кампании многие люди из лагеря «Нашей Украины» имели знакомства среди высокопоставленных сотрудников спецслужбы страны. Глава СБУ Игорь Смешко знал многих из лидеров оппозиции с 1992 года, когда он был первым атташе по вопросам обороны в посольстве Украины в Вашингтоне (Смешко. Интервью. 2005 г.). Смешко был весьма неоднозначной фигурой в истории «Оранжевой революции». На встрече, которая состоялась поздним вечером в начале сентября между кандидатом оппозиции Виктором Ющенко, генералом Смешко и другими высокопоставленными представителями СБУ (и которая широко известна тем, что, возможно, во время нее Ющенко был отравлен), обсуждалось, по словам Смешко, «участие или неучастие СБУ в президентских выборах». Ющенко, обеспокоенный тем, что государственные службы могут «неправильно повести себя» во время выборов, отметил после встречи: «Я пытался убедить главу СБУ в том, что закон должен был восторжествовать в этой области» («Украинская правда». 2 октября 2004 г.).

Как глава организации, Смешко рассматривал СБУ в качестве «балансира» в политической борьбе, разворачивавшейся в Украине, при этом не скрывая своей неприязни к криминальному прошлому Януковича (Смешко. Интервью. 2005 г.). Летом 2004 года он назначил генерала СБУ тайным посредником в переговорах с руководителем аппарата «Нашей Украины» Олегом Рыбачуком, который на протяжении всей осени 2004 года регулярно получал оперативные сведения от своих контактов в спецслужбах. Рыбачуку также передали документы из избирательного штаба Януковича, указывавшие на его намерения фальсифицировать выборы, которые Рыбачук позже использовал в предвыборных материалах «Нашей Украины» («Евразия дейли монитор». 14 января 2005 г.) (Кузио. 2005a,b).

Когда 24 ноября Ющенко встретился со Смешко, чтобы попросить о личной охране, глава СБУ выделил ему восемь оперативников элитного антитеррористического подразделения «Альфа» и согласился связаться с бывшими агентами СБУ для организации охраны участников кампании. Существовала договоренность, однако, о том, что СБУ будет сохранять нейтральную позицию в отношении исхода политического процесса («Нью-Йорк таймс». 17 января 2005 г.).

Когда бойцы спецслужб были мобилизованы в ночь на 29 ноября, СБУ сыграла важную роль в установлении контакта с основными действующими лицами. Согласно источникам «Нашей Украины», Смешко звонил генеральному прокурору, министру внутренних дел и начальнику киевской полиции, убеждая их отозвать бойцов (Агентство Франс Пресс. 15 февраля 2005 г.). Существует неподтвержденная информация о том, что бойцы спецподразделения «Альфа» были вооружены и были готовы противостоять внутренним войскам, когда те вошли в Киев (Журналист «5 канала». Интервью. 2005 г.). Для одного близкого к «Нашей Украине» человека, который координировал усилия по поддержанию порядка на Майдане с СБУ, поддержка этого органа не была чем-то самим собой разумеющимся, и новость об этом принесла настоящее облегчение. Генерал Антонец вспоминал: «Что касается СБУ – их люди работали на Майдане – они знали ситуацию, и они могли сами принимать решения. В самый тяжелый период мы получили информацию, что они будут на стороне Майдана» (Антонец. Интервью. 2004 г.).

Вспоминая о своей роли в событиях, связанных с «Оранжевой революцией», генерал Смешко утверждает, что его основной целью было предотвращение кровопролития, а возможно, и гражданской войны (Смешко. Интервью. 2005 г.). Другие участники событий и наблюдатели настаивают на том, что ключевую роль сыграл победный потенциал оппозиции, и утверждают, что «сотрудники СБУ работали на два лагеря, потому что они хотели быть на хорошем счету у того, кто победит» (Журналист «5 канала». Интервью. 2005 г.). Похожего мнения придерживается Юлия Тимошенко, которая отмечает, что «это была очень сложная игра», и считает, что сотрудники СБУ, включая Смешко, «просто-напросто делали ставки на двойной исход», как выразился журналист «Нью-Йорк таймс», который брал у нее интервью («Нью-Йорк таймс». 17 января 2005 г.). Возможно, при принятии решений отдельные сотрудники этой организации руководствовались и нравственными, и прагматичными соображениями.

Спецслужбы. Динамика по принципу «камень-ножницы-бумага»

В спецслужбах обеих стран были элементы, которые не поддавались на убеждения ненасильственных движений не применять агрессию по отношению к протестующим. В таких ситуациях главной задачей движений становилось не убеждение, а сдерживание.

В Украине особую угрозу для участников протестов представляли спецподразделения министерства внутренних дел, перевезенные в Киев и его окрестности из Крыма и восточной Украины.²⁷ Практически полностью лишённые доступа к источникам информации, бойцы среднего и низшего ранга жили в бараках и проходили подготовку в лагерях, окруженных высоким забором. Команда «Нашей Украины» имела мало контактов с представителями Крымского территориального командования (подразделение МВД Украины, временно переброшенное в Киевскую область), равно как и с сотрудниками спецподразделений министерства внутренних дел, которых все чаще замечали в городе (Антонец. Интервью. 2005 г.). В Киеве оперативники этих подразделений стояли за спинами местных невооруженных бойцов «Беркута» (подразделения полиции специального назначения) на входе в главное управление президентской администрации. У них был приказ отрывать огонь, если силы оппозиции решат штурмовать здание (Бурковский. Интервью. 2005 г.). Снайперы спецподразделений министерства внутренних дел находились в разных точках по периметру площади (Антонец. Интервью. 2005 г.).²⁸ За пределами города многочисленные отряды внутренних войск МВД были размещены в бараках, практически не имея доступа к внешним источникам информации. Лидеры оппозиции, отвечавшие за налаживание связи со специальными службами, испытывали большие затруднения с установлением контакта с этими подразделениями и, соответственно, не могли с точностью предсказать, что бойцы будут делать, если они получат приказ применить суровые меры против оппозиции (Антонец. Интервью. 2005 г.). В общей сложности, по оценкам наблюдателей, за первую неделю революции в Киеве и его окрестностях было собрано войска министерства внутренних дел численностью свыше 15 тыс. человек.

²⁷ Спецподразделение «Барс» и другие подразделения министерства внутренних дел входили в состав Национальной гвардии, расформированной в 1999 году. Крымские отряды Национальной гвардии, считавшиеся наиболее эффективными, были преобразованы в спецподразделение «Барс». Расположение крымского «Барса» в Киеве породило слухи о российском спецназе в украинской столице. Более подробную информацию о различных подразделениях спецслужб см. Т. Кузио «Невоенные специальные службы Украины». «Журнал славянских военных исследований» том 13, №4 (декабрь 2000 г.), с. 29-56.

²⁸ По словам Антонца, бойцы снайперского отряда «Омега» спецподразделения «Барс» были замечены на крышах зданий вокруг Майдана.

(Западный дипломат. Интервью. 3 июня 2005 г.). В ночь на 29 ноября, через неделю после начала протестов, эти войска были мобилизованы и вооружены боевыми патронами.

В Сербии элитные высокооплачиваемые и укомплектованные подразделения в подчинении вооруженных сил и министерства внутренних дел также проходили подготовку в местах, изолированных от населения. Особую озабоченность вызывал один такой спецотряд, Подразделение по специальным операциям (ПСО) или «Красные береты», причастный к военным преступлениям в Боснии и, по слухам, связанный с организованной преступностью. Это подразделение специального назначения, входившее в состав Департамента государственной безопасности (ДГБ), было виновно в ряде убийств, включая похищение и убийство предшественника Милошевича, бывшего президента Сербии Ивана Стамболича 25 августа 2000 года всего за несколько недель до президентских выборов.²⁹

Два важных фактора благоприятствовали проведению в жизнь стратегии сдерживания, разработанной оппозиционными движениями. Первым фактором было соотношение числа протестующих к численности имевшихся в наличии войск. В Сербии, хотя «Отпор» и не был уверен в том, как ПСО отреагирует на массовые протесты, ясно было одно: при наличии миллиона человек в Белграде спецподразделение не смогло бы разогнать толпу без того, чтобы стрелять по ней, поскольку в отряде было примерно 300 вооруженных бойцов. В Украине, по словам одного наблюдателя, тот факт, что министерство внутренних дел «обладало ограниченными человеческими и техническими ресурсами для того, что мирно заставить толпу уйти с Майдана», был очевиден и для командиров спецслужб, и для глав других органов (Журналист «5 канала». Интервью. 2005 г.).³⁰

Другим важным фактором была система сдержек и противовесов между различными службами. Один наблюдатель отмечал, что украинское министерство внутренних дел прекрасно осознавало наличие сценария, который он назвал «камень-ножницы-бумага», по которому «министерство внутренних дел побеждает протестующих, а затем вооруженные силы побеждают министерство внутренних дел» (Высокопоставленный западный дипломат. Интервью. 2005 г.).³¹ Такая динамика была наиболее очевидна 28 ноября, когда, как уже отмечалось ранее, разногласия между военными, СБУ и МВД привели к тому, что люди, в иных обстоятельствах лояльные режиму, начали сомневаться. В 2000 году организаторы сербского «Отпора» также понимали, что даже если им не удастся донести свои идеи до специальных служб, становилось все более очевидно, что вооруженные силы не были готовы защищать режим от невооруженных участников протестов. Надежда, соответственно, была на то, что командиры этих подразделений поймут, что они никак не смогут остановить протесты.³² Оба сценария разворачивались на фоне смены режима в Румынии в 1989 году,

²⁹ Позже ПСО было признано виновным в убийстве премьер-министра Зорана Джинджича, который был убит на входе в здание сербского правительства в Белграде. Впоследствии подразделение было объявлено незаконным, а его командиры были арестованы.

³⁰ Хотя рядом с Майданом и зданием президентской администрации были расположены водометы, не было очевидно, что они будут эффективным инструментом для разгона такой большой толпы.

³¹ Дипломат провел аналогию с детской игрой в «камень-ножницы-бумагу», в которой «камень» бьет «ножницы», «бумага» бьет «камень» и так далее.

³² Звонимир Трайкович, советник Милошевича с 1990 по 1993 год, говорил в мае 2000 года: «Я уверен, что гражданская война в Сербии невозможна, потому что нет другой стороны – стороны Милошевича... Армия не верхушка, командующий и несколько генералов. Армия – это командиры, а они не будут стрелять в собственный народ, и полиция не будет вмешиваться, что есть сил, или стрелять в народ. Они [режим] часто посылают группы радикальных полицейских, готовых делать эти вещи. Но когда на улицы выйдет критическая масса людей, полиция не будет вмешиваться. По сути они не смогут вмешаться». («Данас», издание выходного дня, 13 мая 2000 г.).

когда попытки спецслужб подавить акции против Николае Чаушеску закончились столкновениями с армейскими частями, поддерживавшими протесты. Таким образом, разногласия между различными органами повлияли на соотношение затрат и результата для тех элементов спецслужб, которые хотели сохранить лояльность режиму.

Заключение

Стратегическое внимание к спецслужбам может выполнять три важные функции силы в борьбе ненасильственных движений: защиты, сдерживания и давления. Защитная функция заключается в потенциальном ослаблении эффекта от насильственных мер, используемых режимом против движения и его союзников (Акерман и Крюглер. 1994 г.). По мере повышения цены репрессий и ослабления способности режима подавить оппозицию лидеры режима могут вовсе отказаться от использования силы как инструмента принуждения (Даль. 1971 г.). И наконец, ослабив одну из основ устойчивости режима, движение может побудить его к действиям, которых он при других обстоятельствах предпочел бы избежать, как, например, переговоры с участием международных сил, новые избирательные стандарты или даже уход в отставку.

Хотя различные структурные особенности, характеризующие каждое движение в отдельности, не позволяют выработать шаблонные тактические положения, некоторые общие черты присутствовали в украинском и сербском движениях. Во-первых, обоим движениям удалось повысить цену репрессий для отдельных лиц в командной цепи служб безопасности. В рассматриваемых случаях это было достигнуто путем мобилизации широких масс, привлечения международного внимания и освещения событий в неофициальных СМИ. Во-вторых, политические задачи обоих движений пользовались широкой поддержкой, что указывало на вероятность победы движения и заставляло колебаться военнослужащих и полицейских низшего ранга, которые меньше рисковали в случае свержения режима, но при этом имели тесные семейные и общинные связи. И в-третьих, благодаря саморегуляции и поддержанию ненасильственной дисциплины обоим движениям удалось минимизировать ненужные столкновения со службами безопасности и противостоять попыткам режима представить их «террористическими» организациями. Вопреки широко распространенному убеждению, что режимы навряд ли будут готовы уступить власть без кровопролития, совокупность вышеперечисленных факторов способствовала достижению политических перемен без применения разрушительного насилия.

Интервью

В.Антонец. Интервью с А.Биннендийк. 15 июня 2005 г.. Киев. [Кассетная запись находится в собственности автора.]

А.Безверха. Интервью с А.Биннендийк. 7 июня 2005 г.. [Кассетная запись находится в собственности автора.]

П.Бурковский. Интервью с А.Биннендийк. 12 июня 2005 г.. Киев. [Кассетная запись находится в собственности автора.]

Журналист «5 канала». Интервью с А.Биннендийк. 8 июня 2005 г.. Киев.

В.Филенко. Интервью с А.Биннендийк. 10 июня 2005 г.. Киев. [Кассетная запись находится в собственности автора.]

Сотрудник киевского отдела по борьбе с организованной преступностью министерства внутренних дел. Интервью с А.Биннендийк. 12 июня 2005 г. Киев.

- Координатор блока «Наша Украина». Интервью с А.Биннендийк. 9 июня 2005 г. Киев.
- Высокопоставленный западный дипломат. Интервью с А.Биннендийк. 7 июня 2005 г. Киев.
- Высокопоставленный западный дипломат. Интервью с А.Биннендийк. 31 мая 2005 г. Киев.
- Т.Стецькив. Интервью с А.Биннендийк. 10 июня 2005 г. Киев. [Кассетная запись находится в собственности автора.]
- Б.Тарасюк. Интервью с А.Биннендийк. 14 июня 2005 г. Киев.
- Украинский журналист. Интервью с А.Биннендийк. 1 июня 2005 г. Киев.
- Западный дипломат. Интервью с А.Биннендийк. 1 июня 2005 г. Киев.
- И. Золотарев. Интервью с А.Биннендийк. 30 мая 2004 г. Киев. [Кассетная запись находится в собственности автора.]

Ссылки

- П. Акерман, К. Крюглер. «Стратегический ненасильственный конфликт». Вестпорт, Коннектикут: «Прегер». 1994 г.
- П. Акерман, Дж. Дюваль. «Более мощная сила: век ненасильственных конфликтов». Нью-Йорк: «Полгрейв». 2000 г.
- Агентство Франс Пресс. «Тайная роль военных осведомителей в украинской революции». 15 февраля 2005 г.
- Р. Даль. «Полиархия: участие и оппозиция». Нью-Йорк: издательство Йельского университета. 1971.
- «Глас явности». 2 октября 2000 г.
- А. Гриценко. «Гражданско-военные отношения в Украине: на пути от формы к сути». Программа грантов и стипендий НАТО. Отчет. 2000 г.
- Р. Хэлли. «О стратегическом ненасильственном конфликте». Институт Альберта Эйнштейна. Бостон. 2004 г.
- Отчет Центра гуманитарного права. «Полицейское давление на «Отпор» в Сербии с 2 мая по 24 сентября 2000 года». Белград. 23 ноября 2001 г.
- В. Каськив. «Пора! – авангард демократии». Киев. 6 декабря 2005 г.
- Т. Кузио. «Невоенные специальные службы Украины». «Журнал славянских военных исследований» том 13, №4 (декабрь 2000 г.), с. 29-56.
- Т. Кузио. «Действительно ли украинские специальные службы предотвратили кровопролитие во время «Оранжевой революции»?». «Евразия дейли монитор» 2 (16). 24 января 2005 г. (a).
- Т. Кузио. «Пора! выбирает два разных пути». «Евразия дейли монитор» 2 (23). 24 января 2005 г. (b).
- Б. Мартин, У. Варни. «Взаимодействие против репрессий». Крескил, Нью-Джерси: «Хэмптон пресс». 2001 г.
- «Информация касательно незаконной деятельности фашистско-террористической организации "Отпор"». Департамент аналитики, Министерство внутренних дел. Белград. 7 июня 2000 г.
- Интервью с Момчило Перишичем. «Независна светлост». Крагуевац. 8 июля 2000 г.
- Дж. Шарп. «Политика ненасильственных действий». Бостон: «Портер Сарджент». 1973 г.
- «Време». Интервью с Зораном Джинджичем. 2 ноября 2000 г.

Дополнительная литература

- В. Бойко. «Секреты 'тайной вечери'». Украинская правда. 2 октября 2004 г.
- К. Дж. Чиверс «Как высококлассные украинские шпионы изменили судьбу страны». «Нью-Йорк таймс». 17 января 2005 г.
- К. Дж. Чиверс, Т. Шенкер. «Участовавшие в разгонах узбекские министерства получали помощь США». «Нью-Йорк таймс». 17 июня 2005 г.
- Отчет о предвыборном периоде апреля-мая 2004 года, подготовленный КВУ. «Комитет избирателей Украины». Киев. Май 2004 г.
- С. Козич. «Президент серьезно думает о том, чтобы покинуть свой пост». Интервью со Звонимиром Трайковичем. «Данас» (издание выходного дня). 13 мая 2000 г.

- С. Эрлангер. «Сербские стачечники, к которым присоединилось 20 000 человек, не дрогнули перед лицом полиции». «Нью-Йорк таймс». 5 октября 2000 г.
- В. Гоати. «Выборы в СРЮ с 1990 по 1998 год». Центр за свободные выборы и демократию (CESID). Белград. 1999 г.
- И. Гужва, О. Попов, О. Чаленко. «Секреты Майдана». «Сегодня». 21 ноября 2005 г.
- «Полиция отпустила 18 студентов, задержанных во время протестов в Киеве». «Интерфакс-Украина». 5 августа 2004 г.
- Дж. Шарп. «Ведение ненасильственной борьбы». Бостон: «Портер Сарджент». 2005 г.
- «Подробности обысков в офисах молодежных групп». «Украинская правда». 23 октября 2004 г.
- Т. Уорнер. «Полицейский спецназ не открывает огонь по участникам украинских протестов». «Файнэншл таймс». 25 ноября 2004 г.
- Д. Уолф. «Бунт XIX века». «Гардиан». 13 мая 2005 г.